

УДК 316.74:2 (0758)

DOI: 10.17223/1998863X/38/19

Л.Ю. Логунова, В.А. Рычков

ПРОТИВОРЕЧИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

Взаимоотношения Русской православной церкви и государства в советский период содержит аспекты социальной и культурной травмы. Ученые изучают эти взаимоотношения в историческом и социокультурном срезе, опираясь на концепцию исторической и культурной травмы П. Штомпки. Рассматриваются возможные траектории развития событийности, связанные с современными политическими дискуссиями и событиями культуры, их влиянием на будущее. Социальная прогнозика строится на концепции социальной памяти и социокультурном подходе. Сегодня травматические события прошлого преломляются в общественном сознании в виде противоречий исторической и социальной памяти. В структурах социальной памяти хранится актуальная информация для обеспечения повседневной жизни людей, их выживания. Содержание исторической памяти формирует идеологию общности. Эти виды памяти взаимозависимы и оказывают влияние на коллективное сознание общности, на восприятие ее членами актуальных исторических событий, на дальнейшую судьбу социальных групп и личностей. Противоречия между этими видами памяти существуют на макро- и микроуровнях и являются движущей силой для развития социальных инноваций, процессов национального самосознания. Политика памяти, решая ситуативные идеологические задачи, искажая образы прошлого, несет опасность рецидива травматических ситуаций в жизни последующих поколений. Авторы исследуют социокультурные противоречия и размышляют о возможности существования идеи православия в качестве интегрирующей идеологической концепции для российского общества с позиции законов функционирования социальной памяти, сохраняющей опыт исторической и культурной травмы.

Ключевые слова: культурная травма; историческая травма; социальная память, историческая память; политика памяти; жизненные сценарии.

Сегодня Россия выбирает ориентиры развития, которые невозможны без осмысления исторического прошлого. Важным становится оформление идеи, интегрирующей социальные институты и гражданское общество. Примером такой интегрирующей идеи становится православие. Государство создает условия для укрепления позиций Русской православной церкви: началось строительство и восстановление храмов, монастырей, создание сети духовных учебных заведений. Это выглядит попыткой закрыть страницу противоречивых последствий исторической травмы – опыта взаимоотношений церкви и государства в начале XX в.

Церковь презентует себя как силу, способную консолидировать общество. Однако исторический опыт неоднозначно осмысливается религиозными организациями, предпочитающими забыть травмирующие факты с целью обретения социальных или политических дивидендов. Проблема осмысления исторической и культурной травмы, ее влияния на современность остается актуальной для ученых и общественности.

Травма как метафора. Стэнфордская группа исследователей (Д. Александер, Н. Смелзер, П. Штомпка) выдвинула концепцию социокуль-

турной травмы на основе идеи П. Буа. Травма понимается как коллективный феномен, который порождает трагические события в жизни личности и социальной группы, нарушающие социокультурную целостность ментальных структур общности. В отличие от психологической науки, где травма рассматривается в качестве фактора влияния на личность, в социологии метафора травмы используется для осмысления событий, изменивших историческую судьбу народов. Эти события конвенционально интерпретируются, окрашиваются коллективными переживаниями, связанными с воспоминаниями о трагических ситуациях в жизни семей и личностей.

Социокультурная травма может принимать форму исторической травмы или культурной травмы, сохраняя факт давления на социокультурные изменения драматического характера в духовной сфере, на уровне судьбы (исторической судьбы общности или отдельных личностей и их семей).

Травмирующая ситуация развивается в сфере социокультурных изменений, разрушая «культурную ткань общества», судьбы людей, неоднозначно влияя на будущее потомков (процессы социальной мобильности, национальное унижение или гордость, попытка взять исторический реванш). П. Штомпка подчеркивает, что историческая травма «обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном под-сознании, время от времени, при благоприятных условиях, проявляя себя» [1. С. 10].

Восприятие исторической и культурной травмы членами группы основано на особенностях функционирования социальной памяти (В.А. Колеватов, О.Т. Лойко, Л.Ю. Логунова). Данные особенности склоняют коллективное сознание общности к определенной интерпретации исторических событий, что, в свою очередь, влияет на специфику выстраивания отношений между членами общности и институтами власти. Перефразируя постулат феноменологической социологии, можно утверждать: если люди интерпретируют события как опасные для сохранения традиционных привычных социальных практик, то эти события воспринимаются как травмирующие. Тогда социально-культурная ткань общественной жизни теряет свою плотность, однородность: образцы нормативного поведения сталкиваются с невозможностью их воспроизведения в новых условиях. Воспроизводство традиций затрудняется, вследствие чего потомки дезориентированы в освоении социально полезных норм и моделей поведения. И хотя структуры власти имеют некоторое преимущество в виде «перехвата инициативы» для внедрения идеологических позиций «правильного» понимания исторических событий, законы жизни, в которые встроены законы памяти, все расставляют по своим местам: кольца событийности замыкаются, травмирующая ситуация угрожает трагическим повторением.

Социальную память мы предлагаем отличать от исторического наследия – совокупности событий прошлого, того, что принято потомками «на веру». Историческое наследие – это совокупность образов исторической памяти, которую аккумулируют, адсорбируют структуры социальной памяти. Содержание социальной памяти может не соответствовать содержанию исторической памяти, которая есть осмысленный архив событий, выбранных

историками и обоснованных в качестве судьбоносных. Историческая память является частью социальной памяти и обладает всеми ее характеристиками, в том числе селективностью, избирательностью [2. С. 71]. Социальная память сохраняет информацию, важную для выживания общности, историческая память презентует информацию, формирующую идеологию нации (общности).

Историческая память в России сегодня взрывоопасна. Она хранит неординарные образы героев и событий, которые в кризисных ситуациях могут быть использованы в качестве инструмента упрека, травмируя национальную идентичность, или орудия оправдания ситуативных политических решений. При этом страдает память об этих исторических личностях, нарушаются этические законы памяти (о мертвых принято говорить или хорошо, или ничего), возбуждаются информационные поля социальной памяти – внимание населения переключается с актуальных задач жизни на персон, делающих громкие заявления. Выигрывают от подобных игр с исторической памятью недальновидные политики и «медийные лица», которые суетливыми действиями начинают корректировать опыт исторической памяти для «правильного» понимания событий прошлого населением с целью политической мобилизации или продвижения персональной карьеры.

Социальная память хранит не только образы событий, но и латентные настроения общности. Определяя политику памяти, полезно понимать особенности этих настроений для сохранения баланса между памятью и дремлющими установками населения. Напоминания о драматических событиях могут не только травмировать членов общности, но и вызвать непредсказуемые поведенческие (электоральные) реакции. Демонстративное игнорирование особенностей ментальности населения опасно возрождением и актуализацией старых практик «двойного поведения»: на словах люди будут декларировать то, что хочет слышать власть, на деле – избегать действий, удовлетворяющих требованиям власти (саботаж). Например, в социальной памяти сибиряков заложен «молчаливый конфликт» с властью европейской части России. Это суровая правда, сохраняющая в социальной памяти родственной общности информацию о выживании, наполняющая содержанием историческое наследие сибирских семей. История старообрядческого движения, отношения старообрядцев с официальной православной церковью дополняют молчаливый конфликт духовным конфликтом.

Манипуляции с исторической памятью затрагивают структуры социальной памяти, в которых стабилизируются, «отстаиваются», селективируются ситуации, отторгая любые политические вмешательства, оставляя неизменно истинным восприятие общностью исторических событий. Социальная память – это ментальная оценка коллективного сознания общности всех политических игр и решений. Можно пытаться внедрять в коллективное сознание любые актуальные идеологемы. Население может сделать вид, что искренне их воспринимает. Однако структуры социальной памяти старше и энергетически сильнее всех актуальных идей и лозунгов. Население будет выбирать поведенческие стратегии в соответствии с содержанием социальной памяти, игнорируя в повседневной жизни информационный шум, исходящий от ситуативных политических тактик.

Социальная память автономна от исторической памяти, способна окрашивать событийность чувствами, мифологизировать ее, передаваться потомкам в виде легенд. Содержание исторической памяти формируют историки. Социальная память пишется судьбами представителей общности. Носителю социальной памяти может быть безразлично, что считают судьбоносным историки. Он считает истинным то, что рассказали ему прародители, нарисовав картины семейных историй на полотне повседневной жизни рода. Если в канву полотна социальной памяти входят травмирующие осколки исторической или культурной событийности, то память изменяет свой рисунок. Наследники начинают острее воспринимать исторические события. Энергетически сильные «пятна» в структуре менталитета могут изменить самосознание общности, ее восприятие новых социальных ситуаций и реакции на политические события. Это маркеры социального поведения членов общности, которые не в состоянии закрасить в унифицированный цвет политики представители власти. Среди факторов, влияющих на процессы такого искажения, мы выделяем события, связанные с репрессиями в сфере религиозного сознания в российском обществе начала XX в., курс которых определялся решениями государственной власти. Любое принуждение репрессивного типа обладает травмирующим фактором, проявляется в формировании у общности ложных (стыдливых или героических) представлений о реальности.

Симптомы исторической травмы. С начала своего утверждения советская власть объявила себя противником религии. «Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т.п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего» [3. С. 226]. С октября 1917 г. государством последовательно принимались законодательные акты, призванные лишить Церковь прав юридического лица, объявить религиозные убеждения несовместимыми со строительством социализма. Национализация церковного имущества, провозглашенная декретом 1918 г. об отделении Церкви от государства, стала юридическим основанием для закрытия монастырей. Декрет 1918 г. запретил «принудительное взыскание сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ» [4]. Хозяйственная деятельность Церкви, лишенной тем же декретом прав юридического лица, сместилась в сферу «частного предпринимательства», затем – незаконных сделок. Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях» [5] значительно сужало сферу легальной церковной жизни: общинам запрещалось пользоваться услугами государственных предприятий при ремонте храмов, деятельность религиозных общин ограничивалась совершением богослужений. Началось массовое закрытие церквей. В 1928 г. было закрыто 534 церкви; в 1929 г. – 1129; в 1937 г. – более 8 тыс. В Москве из 600 православных церквей, к концу 1930-х гг. действовали только 23. В Ленинграде действовали 5 храмов из 300; в 25 областях РСФСР вообще не было ни одного. Были закрыты все сохранившиеся на территории СССР монастыри [6. С. 271]. Для искоренения религии первоочередной задачей было уничтожение ее материальной базы, воплощенной в кампании национализации церковных и монастырских земель, отделения церкви от государства, школы от церкви, прекращения финансирования церкви государством.

На территории Кузбасса в 1920–30-х гг. имелось более 180 церквей и молитвенных домов Русской православной церкви. Решениями исполкома Новосибирской области, Западно-Сибирского края в 1931–1937 гг. было закрыто 40 церквей, в 1939–1942 гг. – 70. К моменту образования Кемеровской области все действующие православные приходы были ликвидированы. Церковная организация была фактически уничтожена [7. С. 63].

Жизнь Церкви была поставлена в жесткие рамки, многие ее традиционные сферы были прямо запрещены, другие находились под постоянной угрозой запрещения. Жизнь приходов контролировалась инспекторами по наблюдению и негласными осведомителями НКВД, по любому доносу которых священнослужители подвергались аресту или выводились за штат.

Монашество оказалось в советской России вне закона. В 1930-х гг. монахи стали объектом первой волны репрессий: многие из них были арестованы и сосланы. В конце 1930-х гг. иноки стали возвращаться в родные места, где в 1937–1938 гг. они были захвачены новой волной репрессий с расстрельными приговорами.

Деструктивное действие исторической травмы. Когда волевые усилия института власти по реконструкции общества направлены на разъединение социальных групп, идет сортировка населения на «народ» и «врагов народа», на «мы» и «они». Так разрушается сплоченность общности, что ведет к ее ослаблению в сопротивлении внешним негативным воздействиям. На стороне власти эффект скорости – быстрое вторжение нового опыта, без осмысления, без возможности адаптации в новой социальной ситуации. Решения власти в подобных случаях являются внешним силовым давлением на повседневную жизнь людей.

В 1920-е советская власть пыталась сохранить видимость законности, понимая ее своеобразно: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы ... обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [8. С. 190–191]. С 1928 г. в общественное сознание активно внедряется теория обострения классовой борьбы по мере строительства социализма, с помощью создания клише о том, что «буржуазные специалисты» на предприятиях совершают диверсии, зажиточные крестьяне отказываются сдавать хлеб государству. Священнослужителей объявляют «контрреволюционной силой», обвиняют в том, что они агитируют против сдачи хлеба, коллективизации, препятствуют социалистическому переустройству сельского хозяйства. Массовые репрессии, направленные против различных слоев населения, «отменили» необходимость каких-либо объяснений, достаточно было обвинения: «враг народа». В 1937–39 гг. было арестовано около 160 тысяч верующих, из них более 80 тысяч расстреляно.

Неожиданные и быстрые исторические и социальные изменения начала XX в. напрямую определили продолжительное парализующее влияние исторической и культурной травмы на социальное поведение людей. Травма («шоковое» событие) начала деструктурировать повседневный мир людей. Представители духовенства были лишены избирательных прав, ограничены в отдельных политических и гражданских правах. С 1930 г. они отдавали в казну 75 % своих «нетрудовых доходов», в том числе доходов от отправления культа. Священников выселяли из квартир как «лишенцев».

Но запрет многих сфер церковной жизни не уничтожил их автоматически. Вопреки советским декретам, постановлениям, инструкциям они продолжали существовать за пределами легальности, приспосабливаясь к новым условиям. «Жизнь Церкви уходила в подполье ... Не сама Церковь, но жизнь, деятельность ее» [9. С. 59].

Совладание и сопротивление травме. Стадия «совладания» завершает травматическую ситуацию под влиянием факторов давления. В обыденном сознании людей ощутимо влияние базовых ценностей благополучия семьи, прощения и милосердия, ценностей порядка, понимания отрицательного влияния саботажа. К этому добавляется фактор повседневности: ежедневные семейные и профессиональные заботы становятся для человека более актуальными, чем боль прошлых потерь. В процессе «совладания с травмой» постепенно переключается внимание людей на рутинные заботы, связанные с рождением и воспитанием детей, межличностными отношениями. Население старается восстановить утраченный порядок повседневности, жизненную энергию. Власть при этом теряет инициативу, а значит, рычаги влияния и управления.

Традиционно на данной стадии структуры власти волевым усилием переключают внимание населения, навязывая социальные проекты, которые отнимают большое количество энергетического и жизненного потенциала у людей (например, завершение «пятилетки в четыре года», «поднятие целины», события украинской кампании, включая ситуации с Крымом и Донбассом и т.п.). Эти патриотические вакцины вызывают волну политической активности, которая однажды утомляет население нескончаемой чередой референдумов, ток-шоу, выборов. Это снимает на некоторое время социальную напряженность, но является проблемным вариантом совладания с травмой: на открытую рану накладывается очередная травмирующая ситуация. В результате население, пережив дополнительный болевой травматический шок, отвлекающий от решения повседневных вопросов выживания, демонстрирует «низкий уровень политического сознания»: социальную и политическую апатию, внешнюю лояльность при высокой степени конформности. Но внешняя видимость социального согласия обманчива. Механизм функционирования социальной памяти не дает возможности для исторической амнезии, ибо определяющее свойство социальной памяти – невозможность уничтожения ее содержания.

Посттравматический синдром. Адаптация к последствиям исторической травмы может длиться не одно поколение. Инерция действия не осознанного общностью травмирующего события формирует прерванное переживание, когда напластование последующей событийности перекрывает главное травмирующее событие. Так формируются кольца незавершенных жизненных сценариев [10. С. 43–45] – типов развития ситуаций, которые фиксируются социальной памятью в виде незаконченных событий (длящихся латентных процессов) с тенденцией к повторению. Они придают специфическую смысловую окраску историческим фактам: следующие поколения получают противоречивые интерпретации событий, но практически ничего не знают о самом событии. Старшие поколения как будто оставляют переживание этих ситуаций «на потом»: люди отдыхают от болевых ощущений

травмы. Механизм социального наследования нельзя отменить и модернизировать. Не принятая коллективным сознанием, не пережитая населением травматическая ситуация без честного обсуждения фактов на основе архивных документов передается потомкам в качестве незавершенного жизненного сценария. Железная логика законов жизни кольцует неосмысленные событийные сценарии, которые в силу их модальности воспроизводятся в более жесткой форме в будущем [11. С. 29], повторяя травматическую ситуацию. То, что не пережито, должно быть «возвращено на круги своя» в принудительной форме («от судьбы не уйти»).

В России этот этап наполнился псевдопереживанием ситуации, при которой власть начала заигрывать с потомками и наследниками репрессированных категорий, в том числе со структурами церковных организаций. Церковь получает статус официальной «правой руки» власти, использует возможность продавливать введение религиозных курсов в школах, создание кафедры православия в МФТИ. Набирают силу организации черносотенного толка. Ряженные в костюмы «а-ля православный» маргиналы при негласной поддержке властей начинают диктовать художественные вкусы. Принимаются противоречивые законы, население разделяется на 5 % воцерковленных, обладающих особыми чувствами, и всех остальных. Это не способствует повышению степени уважения населения к церкви. Травматическая ситуация продолжает латентное разрушающее действие.

Это действие фиксируется в коллективном сознании российских граждан в виде конструкций с парадоксальными свойствами. Ж.Т. Тощенко определил их метафорой «кентаврической парадоксальности» [12]. А.С. Ахиезер обосновал особенности «исторической болезни» России с помощью метафоры «социокультурный раскол» [13]. Смысл такого состояния общества заключается в хронической неспособности преодолевать социокультурные противоречия. В обществе формируются противоположные парализующие и разрушающие друг друга силы, находящиеся в разных смысловых полях. В условиях перманентных противоречий формируется личность с парадоксальным «расколотым» сознанием.

Парадоксальность проявляет себя в стереотипах, упрощающих понимание реальности. Это особое «свойство ментальности и национального характера» россиян: в сознании и поведении существуют одновременно два взаимоисключающих и взаимно стимулирующих начала. В кризисные периоды истории государства эти кентаврические противоречия сознания обостряются, социокультурный раскол (в ценностях, верованиях, нормах – ключевых компонентах культуры) может привести страну на грань катастрофы. Парадоксальность исторической памяти приходит в противоречие с памятью социальной. Данные противоречия проявляют себя в сфере опыта взаимоотношений государства и церкви на макро- и микроуровнях. Разный уровень чувствительности к травматическому опыту могут проявлять представители разных слоев населения в структурах вертикальной дифференциации и горизонтальной (миряне, духовенство и церковные служащие).

Противоречия макроуровня.

– *Противоречия ценностей:* между повседневными духовными потребностями людей и стремлением церковной администрации воспользоваться

благами, которые предоставляет власть. Потребность в словах о любви, мире, солидарности нации используется инструментально для мобилизации населения в борьбе с оппонентами. Социальная память сохраняет образ священника как духовного лидера, утешителя страждущих, авторитета, к которому люди обращаются в минуты душевных и жизненных кризисов. Историческую память сегодня пытаются наполнить новыми смыслами ведущей роли церкви в исторических победах России. Отстаиваются интересы структур церковной власти, которые подменяют идеи возрождения духовности и нравственности с целью доступа к управлению широкими слоями населения. В такой ситуации клерикалы вынуждены одновременно «читать память палачей и их жертв»: и репрессированных священников, и «отца народов», курировавшего репрессии. От этой опасности предостерегал патриарх Алексий II.

– *Противоречия традиции*: между традиционными формами поведения (гражданского, семейного, христианского) и формальными поведенческими практиками с утраченными смыслами ритуалов. Наблюдая агрессивное поведение «блюстителей нравственности» разных сортов, можно констатировать отсутствие понимания смысла посещения литургии, участия в таинствах, отношений между христианами на принципах любви. Чувствуется некая тяга к «старине» с ее смыслами стабильности и понятности. Но современный среднестатистический россиянин вспоминает о принадлежности к православию 2 раза в год (на праздники Пасхи и Рождества), все остальное время он готов потрясать нравственностью как священным копьем с угрозами судебных разбирательств из-за «оскорбленных чувств» по любому поводу. Социальная память о солидарности и единстве в решении задач самосохранения общности замещается смыслами исторических побед за сохранение православной веры.

– *Противоречия власти*: раскол внутри церковной элиты между священством, пытающимся осмыслить новый опыт Церкви, и теми, кто ориентирован на структуры светской власти. Постперестроечное социальное сочувствие Церкви как коллективной мученице, пострадавшей от действий советской власти, сменяется критическим и взыскательным взглядом нового поколения. Молодежь с высшим образованием смакует в социальных сетях скандалы, связанные с коррупцией церковных чиновников, с курьезами из повседневной «простой и скромной» жизни служителей Господа, с одиозными заявлениями политических фриков в церковных облачениях. Церковь постигает опыт общественного презрения («общественной обструкции»), когда предъявляются требования финансовой «прозрачности», большей «строгости» к священнослужителям. Социальная память сохраняет образы духовного подвижничества и простоты, люди ждут реальные примеры святости, самопожертвования, скромности, а не исторические апелляции к «духовным скрепам» мобилизующего действия, но малопонятного содержания.

Противоречия микроуровня.

– *Противоречия опыта*: между субъективными переживаниями исторических событий, практиками, основанными на понимании духовного лидерства служителей церкви и ожиданиями восстановления интегрирующей роли «православных ценностей» в организации жизни. В реальности прерванная травмирующими событиями программа передачи и наследования социально-

го опыта определяет мучительные поиски моделей взаимодействия власти и церкви, человека и государственной религии (как в среде мирян, так и духовенства). Не имея в личном, семейном опыте образцов поведения в сфере нравственно-этической, в отпавлении требований религиозных культов, население формирует свои знания о «должном» из книг и семейных легенд. Так, практики пожертвований превратились буквально в показательные действия с целью самопиара. Внешнее следование духовным практикам при отсутствии смыслового их наполнения приводит к подмене сакральных смыслов бутафорией, профанации в виде курьезов (из серии «бизнесмен в храме») или откровенной агрессии (пикеты борцов православных ценностей против любых ценностей). «Рецепт успеха» национального возрождения многие увидели в воссоздании дореволюционной модели церковно-государственных отношений. Но историческая память натолкнулась на законы действия социальной памяти: в новых условиях старые модели не действуют, либо их действие превращается в показательные «ролевые игры».

– *Противоречия действия*: между ценностью жертвенной христианской любви и содержанием жертвы. Идея жертвенности, сохраненной в социальной памяти историями жития святых, вступает в конфликт с намерениями принести в жертву политических или идеологических оппонентов ради «блага государства», согласно историческим прецедентам. Личная лояльность к власти сегодня подкрепляется призывами использовать институты государства для подавления «инакомыслия» в церковной и государственной сферах. Образы святых мучеников и герои государственного исторического пантеона столкнулись на поле конфликтующего с самим собой коллективного сознания.

– *Противоречия чувств*: между законами христианской любви и правилами догматов веры. Эмоциональные сопереживания жертвам репрессий вступают в конфликт с требованиями «правильного» понимания действий государственных служащих, которые все чаще слышны из уст представителей церковной элиты. С одной стороны, живы ближайшие наследники репрессированных священников, в память о жертвах проводятся чтения имен репрессированных у «Соловецкого камня» в Москве, издаются «Книги памяти», исполняется закон «О пострадавших от политических репрессий». Но с другой стороны, в СМИ идет постоянное переключение внимания общественности на трагедию, осмысляемую в победоносном ключе: подвиги Великой Отечественной войны, воссоздание «лакированного» образа Советского Союза как общества социальной справедливости. Чувства скорби глушатся коллективными патриотическими настроениями, мобилизованными очередным политическим проектом. Призывы к возрождению веры без фундамента любви формируют структуры фанатизма, призрак реальности воплощения почти пророческой повести братьев Стругацких «Трудно быть богом».

Политика памяти и мнемическая атмосфера. Реабилитированная память о жертвах сталинизма стала мощным детонатором исторической памяти. Однако, согласно мнению П. Штомпки, открытие новых фактов, доказательств, выставляющих события или личности в ином свете, требующих новых интерпретаций, переосмысление прошлого, – все это может потрясти культуру, вызвать новый травматический шок. Однако прошлое требует осмысления, принятия, прощения. Оно должно быть перенесено из разряда

рациональной исторической оценки на микроуровень с переживаниями всего комплекса чувств (боль утраты, гордость за своего родственника, удовлетворение от собственной живучести). Такое качественное переживание восстанавливает целостность ткани социокультурной реальности, успокаивает возбуждение мнемической атмосферы. Это означает, что население живет в размеренном предсказуемом мире. Опыт старших поколений снова беспрепятственно перетекает в жизненные стратегии и повседневные практики потомков, восстанавливаются традиции, закрепляются социально полезные инновации.

Выживает в катаклизмах и кризисах общность, члены которой научились принимать потери, понимать их смысл. В реальности то, что может дискредитировать группу в собственных глазах, подвергается атрибуции самооправдания или забвению. Но забвение не есть абсолютное уничтожение определенных ячеек содержания памяти. Образы прошлого присутствуют в настоящем в виде скрытых возможностей неудачного социального опыта. Вытесненные из памяти события не исчезают, а начинают настойчиво проявляться в структурах бессознательного, материализуясь в мнемических следах – своеобразной канве, цементирующей неприятные для общности воспоминания в коллективном сознании. Мнемические следы сохраняют особое эмоциональное и энергетическое напряжение, что говорит о коллективном несогласии с фактом события или с его официальной оценкой. Пустоты социальной памяти с вытесненными (вынужденно забытыми) событиями заполняются мифами, противоречащими фактам и логике событийности. Эти противоречия вызывают мнемический дискомфорт, который современники стараются преодолеть, успокаивая себя, мол, ничего страшного не произошло, или атакуя тех, кто пытается вскрыть историческую правду. Жизненная энергия общности тратится на защитную реакцию, на сопротивление травмирующим фактам прошлого. Там, где существует такое сопротивление, – гноится рана, которая может взорвать структуры мнемической атмосферы. Если группа защищает интерпретации, искажающие прошлое, она выбирает патологический путь будущего, чреватый неудачами, повторением травматического опыта.

Как правило, власть пытается влиять на пространство мнемической атмосферы с помощью стратегий «институционализации» забвения (игнорирование проблемы) или «идеологии упрека» (возвращение к болезненным событиям) [14]. Политические элиты редко руководствуются правдой памяти. Обычно используются стратегии односторонних интерпретаций прошлого, манипуляций с социальной памятью, которые не приводят к совладанию-исцелению. Конечно, память о недавнем трагическом опыте церковно-государственных отношений служит «немой укором», разрушает образ всегда и во всем успешной страны. Но отрицать опыт трагической событийности, предавать его забвению опасно.

Легко социально дезориентировать человека, сыграв на его болезненных воспоминаниях. Манипуляции с памятью приводят к тому, что в коллективном сознании общности вырабатывается условный рефлекс на очередной идеологический слоган. Население актуализирует ситуативные поведенческие практики, не позволяющие выстраивать долговременные стратегии бла-

гополучного будущего. Аккумулируется опыт фрагментарных действий-реакций. Вместо спокойного осмысления, принятия социального опыта (в том числе и травмирующего) в коллективном сознании идет пульсация рефлексий на калейдоскоп мнений, склоняющих к противоречивому пониманию ситуации. Это мешает формированию устойчивых позитивных социальных привычек у членов общности. На осмысление будущего не хватает времени, внимание к будущему замещается реакцией на мифические опасности, мобилизацией на поиски внутренних и внешних врагов. Раскол в общности ее ослабляет. Раскол в сознании парализует общность. Замалчивание правды памяти ее унижает. Право на забвение вступает в противоречие с правом на правду. Нам представляется, что данное противоречие может разрешиться с помощью права на дискурс, основанный на признании травмирующих последствий исторических событий. Будущее общности излечивает не институционализация мифов, а осмысление фактов, основанных на исследовании документальных материалов специалистами в сфере исторической памяти. Новое будущее обретается вместе с пониманием членами общности, что события, свидетелями которых станут потомки, уходят корнями в будни предков, наполненные дискуссиями, преследующими не всегда благородные, а иногда и прямо лукавые цели.

Исцеление от травмы. В актуальном настоящем у человека должно быть время на осмысление опыта. Прошлое может активно переосмысливаться как «проклятое прошлое», как трагический опыт. Для культуры жизненно важно выработать тот или иной компенсаторный механизм, позволяющий преодолеть травмирующий опыт, не отворачиваясь от мучительных воспоминаний [15. С. 8]. Но это возможно в случае, когда травматическое событие качественно пережито членами общности, покаяние власти (пусть символическое) принято, прощение свершилось, ситуация «отпущена» и больше не тревожит сознание людей. Такой процесс оздоравливает коллективное сознание населения. Блок осознания отправляется в «базу данных» социальной памяти качественным новообразованием. Это идеальный вариант развития посттравматической ситуации – исцеление-совладание. Противоречия нужны для развития ситуации, выработки жизненно важных социальных инноваций. Это сценарий добродетельного круга культурной реконструкции (П. Штомпка). Альтернативный сценарий принуждает общность воспроизводить «порочный круг разрушения культуры» с драматическими кольцами жизненных сценариев и их травматической последовательностью.

Противоречие между социальной и исторической памятью в церковно-государственных отношениях в XX в. создает особую атмосферу внутрицерковных дискуссий, делит людей на «консерваторов» (сторонников Сталина и Грозного) и «либералов» (последователей Нила Сорского и матери Марии Скобцовой), сторонников и противников государственного вмешательства в церковные дела. «Верхи» и «низы» Церкви все меньше понимают друг друга: «верхи» хотят укрепить вертикаль власти и единомыслие, а «низы» хотят, чтобы их не лишали обычных человеческих прав на свободу дискуссий, радостей и печалей повседневной жизни, охраняемых социальной памятью.

Литература

1. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
2. Логанова Л. Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 379. С. 69–75.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 48. URL: <http://bolshevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/lenin/48.pdf> (дата обращения: 18.05.17).
4. Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_181.htm (дата обращения: 18.05.17).
5. Постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9056238> (дата обращения: 18.05.17).
6. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. 356 с.
7. Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской Православной Церкви. Новосибирск: АНО «МАСС-Медиа-Центр», 2003. 304 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во Политической литературы, 1970. Т. 45. URL: <http://bolshevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/lenin/45.pdf> (дата обращения: 18.05.17).
9. Кашеваров А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений советской власти и Русской Православной Церкви. 1917–1945 гг. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного технического университета, 1995. 124 с.
10. Логанова Л.Ю. Социокультурные основания социальной и политической мобилизации // Политическое сознание и поведение: эволюция и мобилизация: кол. монография / ред. Л.Л. Шпак. Кемерово: ООО «ИНТ», 2016. 293 с.
11. Логанова Л. Ю. Социально-философский анализ семейно-родовой памяти как программы социального наследования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Кемерово. КемГУ, 2011. 39 с.
12. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
13. Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.
14. Пробыца Д. Как императив памяти может стать основой объединения народов // Россия и Польша: долг памяти и право забвения: тез. докл. междунар. науч. конф. (Москва, 22–24 октября 2009 г.) / ред. А.Г. Васильев, Н.А. Кочеляева. URL: http://www.ricur.ru/userfiles/file/Prog_conf_Rus_and_Pol_rus.doc (дата обращения: 18.05.17).
15. Roth M. The Ironist's Cage. Memory, Trauma and the Construction of History. N.-Y.: Columbia Univ. Press, 1995. 225 p.

Logunova Larissa Y. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

E-mail: vinsky888@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/38/19

Rychkov Vladislav A. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

E-mail: 89045745215@ya.ru

DOI: 10.17223/1998863X/38/19

THE CONTRADICTIONS OF THE HISTORICAL AND SOCIAL MEMORY IN RELATIONS BETWEEN CHURCH AND STATE

Key words: cultural trauma, social memory, historical memory; politics of memory; real-life scenarios

Relations between the Russian Orthodox Church and the state in the Soviet period, includes aspects of social and cultural trauma. The authors look at the relationship between the historical and socio-cultural slice based on the concept of historical and cultural trauma P. Sztompka. The article are studied the possible trajectory of events related to contemporary political discussions events of culture, and their influence on the future. Social prognostication is based on the concept of social memory and social-cultural approach. Today, the traumatic events of the past are refracted in the

public mind as the contradictions of historical and social memory. The social memory structures stored date information for people's daily life, their survival. The structures of social memory stored date information for people's daily life, their survival. The content of the historical memory forms a common ideology. These types of memory are interdependent and influence the collective consciousness of the community, influence the perception of community members actual historical events, on the fate of social groups and individuals. The contradictions between these types of memory exist on the macro and micro levels and are the driving force for the development of social innovation, processes of national consciousness. Alternative scenario leads to self-destructive culture. At the macro level made out contradictions between the values of the official and everyday culture, the contradictions associated with the collapse of traditions and contradictions of power. These contradictions reflect the bifurcated state of collective consciousness in which social memory of the traumatic experience conflicts with ideologemes situational properties. The memory of politics, solving situational ideological problem, distorting images of the past, brings the risk of recurrence of traumatic situations in the future. The forming real-life scenarios rings include the stages of injury, capture the life of future generations. The authors explore the socio-cultural differences and reflect on the possibility of the idea of Orthodoxy as an ideological concept of integrating Russian society from the perspective of social memory functioning laws, preserving the historical and cultural experience of trauma. The authors explore the socio-cultural contradictions and speculate about possibility of the idea of Orthodoxy as an ideological concept of integrating Russian society from the perspective of laws of the social memory functioning, retaining the historical and cultural experience of trauma.

References

1. Shtompka, P. (2001) *Sotsial'noe izmenenie kak travma* [Social change as trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 6–16.
2. Logunova, L.Yu. (2014) Family-patrimonial social memory: temporal subsistence and social resources. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 379. pp. 69–75. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/379/11
3. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 48. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. [Online] Available from: <http://bolshevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/lenin/48.pdf>. (Accessed: 18th May 2017).
4. RSFSR. (1918) *Dekret SNK RSFSR ot 23 yanvarya 1918 goda "Ob otdelenii Tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot Tserkvi"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of January 23, 1918, "On the separation of Church from State and School from Church]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_181.htm. (Accessed: 18th May 2017).
5. Central Executive Committee and Council of People's Commissars. (1929) *Postanovlenie VTsIK i SNK ot 8 aprelya 1929 goda "O religioznykh ob"edineniyakh"* [Resolution of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars on April 8, 1929, "On Religious Associations"]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9056238>. (Accessed: 18th May 2017).
6. Vasilieva, O.Yu. (1996) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941. Dokumenty i fotomaterialy* [The Russian Orthodox Church and the Communist State. 1917–1941. Documents and photographs]. Moscow: Biblical-Theological Institute of St. Apostle Andrew.
7. *Kemerovskaya i Novokuznetskaya eparkhiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Kemerovo and Novokuznetsk Diocese of Russian Orthodox Church]. (2003) Novosibirsk: MASS-Media-Tsent.
8. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 45. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. [Online] Available from: <http://bolshevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/lenin/45.pdf>. (Accessed: 18th May 2017).
9. Kashevarov, A.N. (1995) *Gosudarstvo i tserkov'. Iz istorii vzaimootnosheniy sovetskoy vlasti i Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 1917–1945 gg.* [State and Church. From the history of the relationship between Soviet power and Russian Orthodox Church. 1917–1945]. St. Petersburg: Sankt-Petersburg State Technical University.
10. Logunova, L.Yu. (2016) *Sotsiokulturnye osnovaniya sotsial'noy i politicheskoy mobilizatsii* [Socio-cultural foundations of social and political mobilisation]. In: Shpak, L.L. (ed.) *Politicheskoe soznanie i povedenie: evolyutsiya i mobilizatsiya* [Political consciousness and behavior: Evolution and mobilisation]. Kemerovo: INT.
11. Logunova, L.Yu. (2011) *Sotsial'no-filosofskiy analiz semeyno-rodovoy pamyati kak programmy sotsial'nogo nasledovaniya* [Socio-philosophical analysis of family-generic memory as a program of social inheritance]. Abstract of Philosophy Doc. Diss. Kemerovo.

12. Toshchenko, Zh.T. (2008) *Paradoksal'nyy chelovek* [Paradoxical man]. Moscow: YuNITI-DANA.
13. Akhiezer, A.S. (1997) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: Criticism of Historical Experience]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
14. Probutska, D. (2009) [How the imperative of memory can become the basis of the unification of peoples]. *Rossiya i Pol'sha: dolg pamyati i pravo zabveniya* [Russia and Poland: Duty of Memory and Right of Oblivion]. Proc. of the International Conference. Moscow. October 22–24, 2009. [Online] Available from: http://www.ricur.ru/userfiles/file/Prog_conf_Rus_and_Pol_rus.doc. (Accessed: 18th May 2017). (In Russian).
15. Roth, M. (1995) *The Ironist's Cage. Memory, Trauma and the Construction of History*. New York: Columbia University Press.